

Подлинный реакционер: творчество Николаса Гомеса Давилы

Елена Косилова

Кандидат философских наук, доцент, философский факультет,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация 119991
E-mail: implicatio@yandex.ru

В статье рассматривается творчество колумбийского философа и писателя Николаса Гомеса Давилы, прежде всего его пятитомное произведение «Схолии к имплицитному тексту» (*Escolios a un texto implícito*). Это произведение является сборником блестящих афоризмов числом более 10 000. Гомес Давила называл сам себя реакционным мыслителем, в его афоризмах выражается критический настрой к современному миру. Он критиковал недостатки демократических государств, был резко против революций и идеи прогресса, который он видел как постепенное скатывание вниз по наклонной плоскости. Его идеал — традиционное общество, организованное иерархически. Он также резко критиковал современное ему искусство, в котором осталось мало мастерства при очень больших претензиях на оригинальность. Гомес Давила — религиозный мыслитель, который не принял церковные послабления Второго Ватиканского собора. В его схолиях вырисовывается непривлекательный портрет человека наших дней. Он пишет о глупцах и пошлых людях, которые гонятся за модой, привлекающей их поверхностным блеском, в то время как «подлинный реакционер» всегда против моды. Реакционер — одиночка по своей природе, он не терпит толп, живет внутренней жизнью, общением с философией и искусством. В современном мире Гомес находит выражение гностических тенденций, от которых идет идея обожествления человека и забвения Бога. В вопросе о ценностях он выступает против релятивизма, замечая, что каждая эпоха делает видимыми одни ценности и мало внимания уделяет другим. Однако ценности не исчезают, их всегда можно оживить. О роли историка он говорит, что тот должен предоставить конкретный рассказ, отражающий дух эпохи. Он противопоставляет интеллект как нечто сухое и отвлеченное, уму, который должен проживать экзистенциальные конфликты. Некоторые сравнили Гомеса Давилу с Ницше, но это сравнение не представляется релевантным.

Ключевые слова: Николас Гомес Давила, реакционер, демократия, иерархия, ценности, католицизм, гностицизм, Латинская Америка

Колумбийский философ и писатель Николас Гомес Давила (Nicolás Gómez Dávila; 18 мая 1913 — 17 мая 1994) мало известен российскому читателю, да и вообще в мире. И на это есть причина: он сделал все, чтобы избежать известности. Его книги под общим названием «Схолии к имплицитному тексту» (*Escolios a un texto implícito*) выходили в Боготе крайне малым тиражом. Он не работал ни в одном университете, вел жизнь затворника (Volpi, 2005). Однако в последнее время, в конце XX века к нему пришла известность, причем не только в родной Колумбии и испаноязычных странах. Его работы перевели на польский, немецкий, итальян-

ский (Morgan, 2014; Serrano Ruiz Calderón, 2015), в конце 2020 года вышел перевод на русский в билингве (Гомес Давила, 2021). До этого, насколько я знаю, вышла о нем только одна статья (Руткевич, 2011).

Что такое «схолии» и к какому «имплицитному тексту» они относятся? Схолиями Гомес Давила называет краткие афоризмы, которые он писал всю жизнь, в пяти вышедших книгах их содержится более десяти тысяч. Это как будто примечания к некоторому тексту, который никогда не был создан, но который может выстроиться из этих примечаний. Сюжета в книгах нет, схолии образуют, как выражается сам Гомес, концентрические круги. На всем протяжении пяти книг темы повторяются, все они вращаются вокруг критики современного мира.

Попробуем взглянуть на вещи в этой оптике, рассмотрим картину мира, как она видится человеку, называвшему себя реакционером.

Пошлость, бездуховность, анонимность в толпе, бесконечная погоня за чем-то лучшим, кричащая безвкусьность искусства, отсутствие подлинных ценностей — вот симптомы болезни современного мира. Гомес, конечно, не одинок в этих претензиях. Современный мир самодовольно решил, что он стал лучше, чем мир прошлых веков. Но так ли это? Ценности изменились, более того, появился ценностный релятивизм, который стал своего рода новой ценностью. Гомес видит в этом аксиологическую болезнь, неспособность отличить хорошее от плохого, отсутствие ориентиров. Носителями подлинных ценностных ориентиров, по Гомесу, являются потомственные аристократы. Общее образование и всеобщее избирательное право привело к тому, что люди, которым надо еще долго и мучительно учиться овладевать культурой, решили, что они уже достаточно культурны, чтобы диктовать свои вкусы и свою моду. И свои ценности — хотя это и ценностями настоящими назвать нельзя, но невежественная толпа принимает эти недоценности на ура. В результате Гомес видит упадок, деградацию как в искусстве, так и во всем «модусе жизни». «Пресса доставляет гражданину отупение утром, радио — днем, а телевидение — вечером» (Gómez, 1986b: 74).

Мы привыкли считать демократию достижением современного миропорядка — демократию, которая философски укоренена в идее равенства всех людей, праве каждого быть услышанным. Но каждый ли достоин того, чтобы выбирать власти? Для того чтобы управление осуществлялось хорошо, выборные власти должны быть компетентными, это очевидно. Но и те, кто выбирает, должны быть компетентны, чтобы в свою очередь отличить достойного кандидата от того, кто просто обещает золотые горы, т. е. безответственного и бессовестного политика. Гомес уверен, что народ не способен отличить достойного от недостойных. Он критикует демократию за то, что обещания даются, но не выполняются (а если и выполняются, то это приводит к еще более дурным последствиям, поскольку сами обещания нацелены не на процветание страны). Предвыборные речи демократических политиков ориентированы только на успех на выборах, а не на толковое управление государством. Гомес обвиняет демократов в популизме, в игре на низменных чувствах людей (Pachón, 2007; Volpi, 2005). Демократические выборы

он называл «выбором толпой невежд горстки некомпетентных». «Демократическая программа выполняется в три этапа: либеральный этап, на котором основывается буржуазное общество, чей характер передается социалистам; этап равенства, на котором основывается советское общество, характер которого передается новым левым; этап братства, на котором появляются наркоманы, которые совокупляются на коллективных сборищах» (Gómez, 1977a: 391). «Демократ, в поиске равноправия, укладывает человечество в прокрустово ложе, чтобы отрезать то, что выдается: голову. Обезглавливание — это центральный обряд демократической мессы» (Gómez, 1977a: 465).

Хорошее, правильное управление может быть, только если управляет аристократ, человек, который родился чтобы управлять, воспитывался и получил образование для управления. Управление государством — это искусство, которому надо учиться серьезно и долго, изучать философию, историю, быть широко образованным и эрудированным. Все эти качества присущи аристократу-реакционеру, они напрочь утрачены в демократических обществах.

Демократия на первый взгляд предоставляет всем равные возможности, но индивиды не равны по природе. Равные возможности — только иное название для вечной неудовлетворенности и жажды подняться еще выше. «В обществе, в котором все верят, что они равны, неизбежное превосходство немногих приводит к тому, что остальные чувствуют себя неудачниками. Напротив того, в обществах, в которых нормой является неравенство, каждый остается в своем собственном различии, не чувствуя ни настоящей необходимости, ни возможности сравнивать себя с другими. Только иерархическая структура милосердна к посредственным и к низшим» (Gómez, 1977a: 445). Цивилизация, организованная иерархически и традиционно, — его идеал. Он не видит ничего хорошего в современном мире, который требует от человека деятельности. «Истинный аристократ — это тот, кто живет внутренней жизнью. Каково бы ни было его происхождение, его место в обществе или его состояние» (Gómez, 1977a: 36). Естественно, в современном мире умение жить «внутренней жизнью» полностью утрачено (Hurtado, 2000; Pachón, 2007).

Яркий симптом утраты культуры в современном мире — состояние искусства и литературы. Равенство и демократия приводят к господству посредственности, что особенно губительно именно для настоящего искусства. Везде господствует, как мы сказали бы по-русски, попса. Это касается не только музыки, но и изобразительного искусства, и литературы, и архитектуры — все стало демократичным и попросту некрасивым. «Самое сильное обвинение в адрес современного мира — это его архитектура» (Gómez, 1986a: 64). «У современной живописи больше поклонников, чем у современной литературы, потому что для картины достаточно двух секунд отвращения, а книгу не прочитаешь меньше чем за два часа тоски и скуки». «Рисовать хорошо сегодня так же трудно, как и всегда, а рисовать плохо — намного легче» (Gómez, 1986a: 144). Современное искусство потеряло престиж мастерства, «дошло до детского лепета», потому что у художника есть

эстетическая доктрина, а рисовать согласно доктрине — значит превращать искусство в умствование. Лучше бы художники и поэты оттачивали мастерство. Сейчас каждый хочет быть оригинальным, каждый считает себя гением, но в результате получается неэстетичный и непонятный продукт, а не произведение искусства (Gonzalez, 2015). Проницательный толкователь Гомеса, Тил Кинзел, называет его «учителем чтения», потому что прежде всего для культурного человека важно умение читать, медленно, вдумчиво, перечитывая по нескольку раз, и только потом — писать (Kinzel, 2010).

Реакционер религиозен, и вера для него важна. Гомес не противопоставляет веру и скептицизм. Наоборот, только скептик может быть по-настоящему верующим. Между скептицизмом и верой, говорит он, есть тайный сговор: оба они подрывают самоуверенность человека. В одновременной опоре на веру и скептицизм человек должен относиться к миру как к тайне, не подлежащей разгадке.

К современному католицизму он относится критически. Как известно, после Второго Ватиканского собора католическая церковь взяла направление на упрощение обряда, снижение требований к верующим, открыла двери для общения с протестантами. Был взят курс на обновление (*aggiornamento*) христианской жизни, приспособление церковной дисциплины к нуждам и обычаям нашего времени (читай — сильное понижение требований). Гомес высказывается резко: «„*Aggiornamento*“ — это распродажа Церкви с аукциона» (Gómez, 1977b: 126). «Христианин-прогрессист настолько готов вступить в договор с противником, что противник не понимает, с кем вступать в договор» (Gómez, 1986a: 198). Самый главный порок современного мира — его удаленность от трансценденции, от ценности сакрального. Ныне уже не воздвигают соборы, и, в параллель с обмирщением искусства, из жизни ушли высокие цели. Церковь сдала свои позиции хранительницы трансцендентных заповедей и повернулась лицом к миру — многим кажется, что это правильно, но на самом деле это поражение высшего долга. Гомес пишет о католической церкви, но это еще заметнее у протестантов: целый ряд пасторов считает своим долгом помогать бедным, при этом вообще не важно, верят ли они в Бога! Это уже не церковь, а что-то вроде профсоюза или клуба любителей благотворительности. Это посюсторонняя организация, разорвавшая отношения с божественным.

Важная тема в осмыслении современного мира — концепт «прогресса». Это то, вокруг чего незримо устанавливается ценностная шкала современного человека. Под прогрессом понимается движение к чему-то лучшему, все более и более ценному. В переводе с латыни слово «прогресс» означает движение вперед. Однако всегда ли это хорошо — вперед? Это зависит от того, что впереди. Вперед — не обязательно вверх, можно идти вперед по наклонной плоскости, к гибели и упадку. И именно в этом направлении движется наш мир. Прогресс губит традицию, разрушает ценности, губит природу и в конечном счете самого человека. Новое — далеко не обязательно хорошее, вот что надо понимать в смысле прогресса и о чем постоянно говорит Гомес. «Ничто так не раздражает прогрессиста, как упрямство

того, кто отказывается пожертвовать верным в пользу нового» (Gómez, 1986a: 67). Современная ментальность вульгарна, и эта вульгарность — неотъемлемая плата за технический прогресс. «Величайший триумф науки, похоже, состоит в той все возрастающей скорости, с которой какой-нибудь дурак передает свои глупости из одного места в другое место» (Gómez, 1977a: 153) — это убийственное замечание родилось задолго до появления Интернета!

Погоня за новизной — только лишь выражение пустоты, бессмысленности жизни современного человека. В этом смысле вера в прогресс характеризует глупца, типичного современного человека. Тот же, кто критически относится к так называемому прогрессу, и есть реакционер. Он умеет отстраниться от всеобщего энтузиазма, который гонится за новизной. Реакционер никогда не добивается победы, поскольку он настроен в принципе против того, что вызывает у всех воодушевление. Он готов к тому, что с ним не просто не согласятся — его не будут слушать. Он всегда против того, что в моде, о чем «все говорят».

Реакционер — всегда одиночка. Сам Гомес был затворником, почти все время он проводил в своей огромной библиотеке. Толпа для него — апофеоз пошлости и тупости. К публичности, коллективу, общности Гомес относится крайне отрицательно. «Мы всегда в конце концов испытываем стыд, приняв участие в коллективном энтузиазме» (Gómez, 1977a: 406). «Одинокий человек — посол человечества в страну значительного» (Ibid.: 288).

В чем же видит Гомес корень зла? В том, что человек забыл Бога. Демократия — это предельное выражение забвения Бога, потому что этот строй полагается на собственные силы и возможности человека, он полностью, так сказать, посясторионен. На самом деле человек — существо грешное, сам, без помощи Бога, он не способен создать ничего хорошего. Человек забыл о своей слабой и падшей природе, он поставил себя на место Бога. Секулярный мир старается удовлетворить наиболее простые и низкие потребности человека, полностью забывая о том, что бывают высшие потребности, которые надо еще воспитывать. И не каждый человек рожден для высших потребностей, многим достаточно простых, но эти люди не должны навязывать свою простоту тем, кто более утончен.

Здесь необходимо рассмотреть философию гностицизма. Может показаться, что гностицизм — маргинальное религиозное течение первых веков нашей эры — не имеет никакого отношения к вопросу о демократии в современном мире. Но Гомес видит связь. По его мнению, именно гностицизм первым заронил в голову человека мысль о том, что человек исключительно богоподобен. Что его душа — это светильник, а не мрачная камера. С гностицизма, по Гомесу, началась адская гордыня: стремление человека устроить жизнь по собственному желанию. Не служить, не быть всегда виноватым, не каяться, а полагаться на свой ум (ну и, конечно, на гностические учения). Первое, в чем видит Гомес проявление гностической гордыни, — это Великая французская революция. Хотя, собственно, он ведет разговор вообще о духе Модерна (Abad, 2010, 2017), который можно начинать с Возрождения. Но Возрождение Гомес не осуждает, поскольку восхищается его искус-

ством. Модерн для него начинается с Великой французской революции. Именно тогда началась новая, демократическая пора, когда человек стал строить новый мир. XVIII век для него еще близок и понятен, он часто цитирует французских писателей той поры. Он сожалеет о том времени, когда еще даже природа была «окультуренной, но не испорченной», когда человек не сливался с толпой, а был разумным существом с верой в Бога. С тех пор и по сей день идет утрата человеком своей разумности.

Поскольку схолии не предназначались для публикации, а писались для узкого круга доверенных людей, Гомес не стесняется сильных выражений. Очень часто он пишет о глупцах и об уме. Концепт глупца, даже дурака (*bobo, tonto, imbécil*) складывается у него из всего, что он не одобряет. Глупец гонится за модой, верит в прогресс, увлекается современным искусством, он сторонник демократии и всегда на той стороне, которая кажется правильной всем, кроме реакционера. Глупец не спрашивает себя о той цене, которую приходится платить за прогресс.

Глупец — всегда член толпы. Он верит во все, во что принято верить, ничего не ставит под сомнение сам, а сомневается в том, в чем принято сомневаться в его кругу. Иногда глупец может говорить и правильные вещи, повторяя их за кем-то, но Гомес пишет, что в устах глупца умные вещи опошляются, он отравляет их своим прикосновением. Глупец не мыслит, он бездумно повторяет то, что носится в воздухе — а в современном мире в воздухе носятся пошлые и неглубокие вещи.

Нас окружает тайна, ею полон мир. Это тайна трансценденции, тайна вселенной, тайна самой жизни. Перед этой тайной надо благоговеть, Гомесу совершенно не близко стремление науки «расколдовывать» мир. Глупец, естественно, думает наоборот, тайна ему недоступна. На глупца производит впечатление глубины только неясность, запутанность. Подлинная глубина тайны доступна только умному человеку. Ясность глупец путает с простотой. Для Гомеса хорошие тексты всегда должны быть ясными, написанными хорошим языком. Усложненный язык не нужен, любую мысль можно выразить ясно, а для глупца, наоборот, запутанный язык есть признак большого ума. Глупец стремится к оригинальности (а само это стремление глупо, истинная оригинальность не требует, чтобы к ней стремились, она приходит естественно). Однако на подлинную оригинальность он не способен. «Глупец легко верит в оригинальность мнений, которые он разделяет со всеми» (Gómez, 1986b: 132).

Однако Гомес предупреждает, что склонность быть глупцом спит в каждом человеке. Умный человек всегда должен прилагать усилия, чтобы не дать глупости овладеть им. Искушение поддаться на модные идеи, принять их без критики сильно для любого человека. Надо противостоять моде, что не так-то просто.

Глупец оптимист. Для реакционера оптимизм — синоним глупости. На место оптимизма реакционер ставит надежду, способность полагаться на Бога. «Тяжесть этого мира можно вынести, только стоя на коленях» (Gómez, 1992: 25). Для Гомеса христианская надежда и вера парадоксальны, это не утешение, а вызов. «На антиномиях разума, на возмущении духа, на разрывах вселенной — вот на чем я осно-

вал свою надежду и свою веру» (Gómez, 1992: 80). Верующий человек всегда стоит перед выбором, доказать свою веру или сдаться. Вера — это требование, а не исполнение желаний. Это постоянное мысленное обращение к Богу.

Много места в размышлениях Гомеса занимает искусство. Как уже говорилось, современное ему искусство он считает вырождением. Подлинное искусство приближает к религии, само существование прекрасного — это свидетельство высших, трансцендентных законов. Современное искусство потеряло связь с религией, и этот развод оказался губительным и для него, и для религии. Искусство попало в руки пошлых авторов, каждый из которых стремится быть оригинальным, а является только лишь вульгарным. Сам огромный любитель и знаток культуры, он очень критически относится к культуре современной Испании и особенно Латинской Америки (Saralegui, 2016).

С этим неразрывно связано учение Гомеса о ценностях и об истории.

Историю он очень любит и посвящает ей много размышлений. Уже понятно, что история — это не путь к лучшему миру. История связана с эсхатологией. В истории мы видим письма Бога, по крайней мере в те периоды, в которых люди не забывали о вере. И в философии Гомесу ближе всего философия истории. Дело историка — выявлять конкретное. Гомес совершенно не согласен с тем, что есть какие-то надысторические законы. Каждая эпоха сугубо индивидуальна.

От историка требуется особое вчувствование, способность понять эпоху и рассказать о ней во всей ее конкретной полноте. «Прогресс историографии заключается в растущей способности выявлять индивидуальность эпох» (Gómez, 1992: 85). История всегда — арена действия индивидуальностей, а не безличных законов. Мастерство историка заключается в умении рассказать об этих индивидуальностях и о той конкретной обстановке, в которой они действуют. Между двумя историческими событиями сходство всегда кажущееся, реальны только различия. Ход истории есть, но он неподвластен законам, которые может открыть человек. Это, конечно, спорное утверждение, но Гомес в этом уверен. Соответственно он критикует марксизм, называя его философию истории наивной.

С историзмом, с понимающим проникновением в дух разных эпох неразрывно связана проблема ценностей и ценностного релятивизма. Если стоять на той точке зрения, что исторические эпохи несоизмеримы и несравнимы, из этого должно вытекать, что каждая эпоха имеет свой набор ценностей, и судить ее надо по ее собственным законам. Ценности также будут несоизмеримы. Не будет твердых оснований отличать добро от зла. В каждую эпоху, в каждой культуре будут свои критерии, и что является добром в одной культуре, может быть злом в другой.

Однако ценностный релятивизм Гомесу претит. Ценности он сравнивает со светилами. В некоторые эпохи светила поднимаются над горизонтом, в некоторые — не видны. Однако они всегда есть, и основные ценности вечны. Он сравнивает «историзм» и «историцизм». Историзм — это умение разгадать дух эпохи и передать его другим эпохам, сделать одну эпоху понятной для других. Несмотря на то что «дух» эпох различен, такое понимание возможно. В этом и заключается

работа талантливого историка. Наоборот, историцизм — это релятивистское учение о том, что ценности относительны, что каждая эпоха любит и осуждает что-то свое. Стоя на почве дурного историцизма, понять эпоху невозможно¹.

Конечно, он не утверждает категорически, что между историческими эпохами нет совсем ничего общего. «Понимание индивидуального и понимание общего в истории взаимно обуславливают друг друга» (Gómez, 1992: 75). Сопоставляя экзегезу и герменевтику, он пишет, что экзегеза пытается понять, что автор имел в виду сознательно, в то время как герменевтика старается понять опыт автора, его переживания, тот смысл, которое высказывание имеет в контексте эпохи. Историк должен искать не только «причины» исторического факта, но и цели участников этого акта. Эта работа с целями принципиально различает науки о духе и науки о природе. Без принятия принципа цели любое историческое событие непонимаемо.

Так, Гомес не принимает социологию. Для него это наука, оперирующая статистикой, что делает вчувствование и понимание невозможным. Но он пишет, что в современном мире индивиды становятся все более неразличимыми, в них все меньше индивидуальной личности, торжествует анонимность и усреднение. Поэтому для современного мира статистика уже подходит больше. И снова он противопоставляет объяснение и тайну. Тайна принципиально необъяснима. Необъяснима как тайна мира, так и тайна человеческой души и личности. То, что наука бросается объяснять душу, так же нелепо, как и ее стремление объяснить весь мир. Подлинная тайна раскрыта не будет. Поскольку она тайна, про нее нельзя сказать, в чем, собственно, она заключается, — ее можно только почувствовать. «Историческое объяснение обязано своей возможной действительностью не „охватывающим законам“, действительное объяснение является результатом немедленного схватывания конкретного отношения» (Gómez, 1992: 172).

С проблемой релятивизма увязывается понятие иерархии. Подлинная историческая наука должна уметь работать с иерархическими структурами, поскольку ценности имеют иерархию (и возможные закономерности, если таковые обнаруживаются, тоже). Иерархия — это принцип правильного упорядочивания всего. «Систематическое сведение всех ценностей к какой-то одной невозможно. Этому мешает их радикальное различие. Возможно только иерархически упорядочить их в такую систему, в которую они сами спонтанно складываются» (Gómez, 1986b: 87).

Иерархия важна не только в науке, но и в жизни. Как уже говорилось, Гомес принципиальный противник равенства. Всё иерархически делится на высшее и низшее, и люди тоже. «Жизнь — это мастерская иерархий. Только смерть демократична» (Gómez, 1977a: 462). Иерархии, пишет он, сходят с небес, в аду все равны. Здесь, конечно, хочется не согласиться с Гомесом. Современная ментальность

1. Вообще Гомес близок к философии Баденской школы неокантианства и Дильтею. Он так же противопоставляет науки о природе и науки о духе. Так же отвергает возможность найти законы в истории, так же пишет о противопоставлении объяснения и понимания.

отказывается принять, что между людьми есть и должны быть высшие и низшие. Мы по большей части не готовы идти за реакционером настолько далеко. Однако своя логика в этом есть. Каждый человек должен найти тех, кто выше его. Это важная идея — идея служения. Сейчас, когда иерархии разрушились, разрушилась и эта идея. Хотя благородный человек всегда принимает на себя обязанность определенного служения. Это не обязательно служение какому-то человеку, тут можно принять и служение высшим ценностям. Служение требует благородства, это не унижение, а долг человека.

В связи с ценностью служения и долга находится и проблема свободы. Понимание свободы является диалектическим (хотя гегелевскую диалектику Гомес не признавал). Свобода имеет огромную важность. Ценность свободы неразрывно связана с тем, что свободу человеку дал непосредственно Бог, поэтому, по сути, все свободны, хотя часто и не понимают этого. Однако свобода ничто без обязательств, без того же служения, без тех ограничений, которые добровольно накладывает на себя человек. Как ни странно это слышать современному человеку, свобода ассоциируется не с демократическим обществом, а с иерархическим. Именно находясь на собственном месте в иерархии, в ее пределах, человек свободен. Гомес не боится видимости противоречий. К противоречиям у него отношение тоже диалектическое, несмотря на неприязнь к Гегелю: он считает, что реальность соткана из непоследовательностей и противоречий, это и делает ее живой. Поэтому философская система, если она не признает противоречий, определено ложна. Если говорить в привычных терминах, важна не свобода «от», а свобода «для» — для служения. Демократическое государство не дает свободу, оно становится вездущим и контролирует своих подданных эффективнее, чем иерархическое. Вслед за освободительной революцией всегда наступает бюрократия и террор. Вчерашние революционеры превращаются в деспотов, это приводит не к построению справедливого общества, а всего лишь к перераспределению материальных благ в пользу нового слоя — бюрократов и управленцев. Очевидно, Гомес смотрел на Кубинскую революцию, но наверняка и на современный ему СССР. Кстати, к русским авторам XIX века он относится с симпатией и уважением: «Начиная с письма Чаадаева Шеллингу и до статьи Леонтьева о речи Достоевского на открытии памятника Пушкину, русский ум предвидел будущее более ясно, чем западный ум» (Gómez, 1986b: 72).

Можно было бы ожидать, что Гомес встанет в оппозицию к романтизму. При том что он обнаруживал след гностических влияний во многих современных течениях, он легко мог увидеть пафос гностицизма и в романтизме. Но это не так. Романтизм для него — явление положительное, он часто ссылается на романтиков. Естественно, он смотрит на романтизм через оптику религиозной идеи. «В противовес вульгарной тенденции сводить религию к этике, романтизм через эстетику обнаружил специфику религиозного» (Gómez, 1992: 153). Как уже упоминалось, искусство, одушевленное религиозной верой, кажется ему высшей ценностью (Mejía

Mosquera, 2018). Поэтому, очевидно, он принимает романтизм и не относит его к модерну.

Эта приверженность романтизму делает его философию религии и церкви двойственной. С одной стороны, он считает себя католиком (дособорным, так сказать, в смысле противника Второго Ватиканского собора), он ни в коем случае не противник церкви и не склоняется к протестантским влияниям. С другой стороны, Бог для него пребывает не в церкви. Бог в мире, общение с Богом происходит только в душе человека. Христианин живет с чувством индивидуального присутствия Бога. Бог для Гомеса является «онтологическим условием» индивидуального существования, человек должен жить не в каком-то религиозном учении, а в постоянном духовном богообщении. Молитва никак не связана с посещением церкви (хотя Гомес иногда пишет, что жизнь наиболее близка к богообщению в монастырях). Церковь, следует из этого — не инструмент связи с Богом, как это часто считается, а что-то другое, она скорее устраивает жизненные обстоятельства, чем влияет на личную веру. Гомесу очень близок Кьеркегор (который в философии религии, конечно, является типичным протестантом), он нередко цитирует его с восхищением. Особенно близко ему кьеркегоровское противопоставление этики и религии. Сам он отзывался об этике как о сухом учении о должностовании, автономную этику Канта он считал чисто идеологической выдумкой (Gomez, 1992: 29). Подлинно моральное поведение основано для него только на религии (Gomez, 1986b: 206). В этом мы опять видим критику ценностей современного мира. Религию сейчас принято сводить именно к этике. Если современный «теплый-холодный» человек что-то и одобряет в христианстве, то это именно мораль любви к ближним. Мораль без Бога считается чем-то лучшим, чем Бог без морали. Это не религия, это ее вырождение в секулярность. Мораль ничто, если она не основана на любви к Богу, которая выше, чем любовь к ближним и просто вытекает из нее.

При этом он не считал возможным изменять католический культ и обряд. Именно обряд помогает сохранить веру в чистоте, поскольку опирается на живое участие, на эстетическое воображение, затрагивает иррациональные струны в душе человека. Это ему близко. Он с легкостью примиряется с иррациональным, поскольку оно не отрицает тайну трансценденции. Скорее, наоборот, ему внушает неприязнь рациональная теология. Средневековую теологию, например Фомы Аквинского, он обвиняет в сухом аристотелизме. «Христианские догмы — это не умствования религиозного сознания, а каноническая формула загадок опыта» (Gómez, 1992: 20). В любой философии сухость ему претит. Философия, с его точки зрения, — это вид литературы, она должна трогать душу, а не интеллект.

Ум в такой системе противопоставляется интеллектуализму. Это не только не похожие, но и почти противоположные вещи. Ум (*inteligencia*) — понятие жизненное, экзистенциальное, духовное. Интеллект (*intelecto*) и рассудок (*raciocinio*) — это сухие, неодушевленные способности. «Сегодня полно интеллектов без ума» (Gómez, 1986b: 57). Интеллект — это все равно что вычислительная машина, которой недоступна истинная глубокая тайна жизни, которой все равно, какие посту-

латы принимать (и это будут те, что модны в настоящее время). Ум же включает в себя ценностные ориентиры, ум не принимает ложных постулатов, из которых следуют неприемлемые выводы. Ум знает, что надо вовремя остановиться перед трансценденцией.

Но и в религиозной области далеко не все постулаты заслуживают бездумного приятия. Умный человек всегда скептичен. Скептицизм — ценнейшее качество настоящего ума. Он позволяет думать ясно, а не плутать в темных спекуляциях. И в то же время умный человек — верующий, что не может не приводить к внутренним проблемам. И действительно приводит. Эти проблемы решить в принципе невозможно, они и не предназначены, чтобы их решать. Жизненные проблемы надо не решать, а надо с ними жить, переживать их. «Истина — это способ думать и чувствовать» (Gómez, 1992: 15). В этом заключается призвание философии: показывать проблемы, показывать, как они переживаются, но не пытаться разрешить их. С таким пониманием философии нетрудно согласиться, особенно с точки зрения экзистенциализма. И вот ум — это ум экзистенциальный. Это уровень, на котором проживаются проблемы. Он, конечно, не должен зависеть от сиюминутных и модных тем. «Умный человек — это тот, кто поддерживает температуру своего ума независимой от температуры окружающей среды» (Gómez, 1977a: 174).

Ум близок чувству, и это чувство не должно быть совершенным, поскольку в жизни нет ничего совершенного. «Без впадин и пустот ум становится тупо круглым, как булыжник» (Gómez, 1986b: 19). Ум должен чуждаться пошлых толп и глупцов, но и сам к себе относиться критически. Нужно сомнение в самом себе, готовность увидеть у себя ошибку. Ум, как уже было сказано, строго индивидуален, он и действует всегда одиноко, и Гомес настроен даже против дружеских бесед о важных вещах, уже не говоря об институтах. Университеты, говорит он, не дают настоящего образования, там передается лишь сумма знаний, но не ценностные ориентиры, и эти знания по большому счету бесполезны. Он резко пишет о том, что университетское образование ничего не дает уму (можно добавить: и сердцу). Конгрессы философов вызывают у него злую иронию. С этим невозможно полностью согласиться. Проводя всю жизнь в библиотеке, он, думается, не знал о духе коммуникации, который может возникнуть при общении ученых. Но в то же время следует понять и его точку зрения. Когда философы рассуждают друг с другом, зачастую «температура ума» становится ниже, чем была бы в одиночестве. Гомес говорит, что истинная беседа может состояться не за круглым столом, а в письменном общении одиноких умов, которые разделены, может быть, несколькими столетиями. Подлинного умного философа его современники не понимают и не могут понять. «Когда мы целимся высоко, нет публики, которая может сказать, попали ли мы в цель» (Gómez, 1992: 17). Когда философ пишет в расчете на то, чтобы его поняли, он невольно снижает планку своей мысли. Писать надо для себя, для великих собеседников прошлого (а может, и будущего), для Бога. Поэтому Гомес убежден, что по-настоящему ценные мысли не могут быть популярными. Он много раз повторял, что дело реакционера — правое, но заведо-

мо проигрышное. Он, разумеется, призывает не обращать внимания на публику. Нужно привыкнуть к тому, что признания не будет, и довольствоваться чувством внутренней правоты. Выполнимо ли это? Может ли человек вообще не обращать внимания на других, не говорить ни с кем из современников? У меня нет уверенности в этом, но для Гомеса может быть только так.

Дело историка философии, говорит он, состоит в том, чтобы переводить какого-то философа, писавшего на жаргоне своей эпохи, на язык вечной философии, «*philosophia perennis*». Что это за язык? Даже если предположить, что *philosophia perennis* существует, на каком языке она должна говорить? Ведь у нас нет никаких языков, кроме наших естественных. Гомес не дает ответа на этот вопрос, но, во всяком случае, мы можем сказать, что это язык ясный, простой, чистый.

На таком языке писал и сам Гомес. Его испанский очень красивый, правильный, звучный. В нем нет латиноамериканизмов, не встретить грубости, хотя иногда Гомес позволял себе резкие выражения. Но он всегда оставался в рамках классического испанского. За афористичность, красоту языка, неприязнь к пошлости и некоторые эстетические идеи его иногда сравнивали с Ницше (Kinzel, 2010). Мне думается, общего все-таки мало. Гомес был глубоко религиозным мыслителем. Но сам он Ницше уважал и не осуждал: «Ницше был единственным благородным жителем разбившегося мира. Только его выбор можно было бы без стыда принести воскресению Бога» (Gómez, 1977a: 211).

Такова картина мира реакционера. Что же в остатке? Каков идеал, к которому следует стремиться?

Думаю, я не ошибусь, если на первое место поставлю критическое отношение к моде, к господствующим ценностям. И первой из этих ложных ценностей будет ценность демократического представления о врожденном равенстве людей. Люди, безусловно, равны перед законом. Они равны в том, что ни к кому из них нельзя относиться бесчеловечно, рассматривать, говоря словами Канта, человека как средство — каждый достоин того, чтобы быть целью. Люди братья, но равны ли между собой братья? Нет, поскольку среди братьев есть старшие и младшие (Gómez, 1977a: 451). Именно в этом смысле люди не равны. Каждый хорош на своем месте — не стоит стремиться занять место выше. Не нужна вечная конкуренция, выматывающая силы и не оставляющая место для духовной глубины и душевной утонченности. Если народ не превращается в толпу анонимных жителей большого города, которых «утром отупляют газеты, днем радио, а вечером телевизор», если народ живет в согласии с природой и миром, то такой народ счастлив, ему не нужна демократия. В этом смысле идеально общество сословий, цехов, традиционных и наследуемых профессий. Потомственный ремесленник — подлинная личность, гордая своим мастерством в своем деле. Рабочий на заводе — это не более чем придаток к технике, он отчужден от своего труда, его работа не формирует его личность. У первого труд, а не работа, у него свое дело. У второго работа, а не труд, его дело — не его. Техника разлагает духовные основы жизненного мира, уродует

этот мир и человека. Человек как придаток к технике теряет свободу, настоящую свободу, благодаря которой развивается личность.

Утопия? Безусловно. Гомес знает, что его идеал невоплотим. Его дело лишь быть критиком современного мира, напоминать ему о том, что он потерял на своем пути. Наш мир определенно будет и дальше двигаться по пути технического прогресса. Народы будут постепенно исчезать, личности будут все больше атомизироваться и рвать традиционные связи. Мы пойдем по пути прогресса, но это опасный путь, на котором неуместен принципиальный оптимизм. Не за горами экологическая и демографическая катастрофы. И еще неизвестно, что принесет нам искусственный интеллект. Нужно иметь, так сказать, критику к собственному состоянию. Одно атеистическое, рожденное революцией государство уже развалилось на наших глазах. Не исключено, что грядут и еще большие катастрофы.

Николас Гомес Давила — безусловно, оригинальный и интересный мыслитель. С ним можно не соглашаться, можно верить в то, что в определенной степени в нашем мире наличествуют изменения к лучшему. Все равно он будет напоминать о необходимости критического подхода к общепринятым нормам, о том, что существует другая точка зрения, что надо предъявлять высокие требования к себе и помнить о высшем.

Литература

- Гомес Давила Н. (2021). Схолии к имплицитному тексту / Пер с исп. Е. В. Косиловой. М.: Канон+.
- Руткевич А. М. (2011). Католический реакционер Н. Гомес Давила // *Философские науки*. № 1. С. 98–110.
- Abad T. A. A. (2010). Nicolás Gómez Dávila y las raíces gnósticas de la modernidad // *Ideas y valores*. № 142. P. 131–140.
- Abad T. A. A. (compilador). (2017). *Entre fragmentos. Interpretaciones gomezdavilianas*. Bogota: Casa de Asterión.
- Gómez Dávila N. (1977a). *Escholios a un texto implícito*. Bogotá: Instituto Colombiano de cultura.
- Gómez Dávila N. (1977b). *Escholios a un texto implícito. Tomo II*. Bogotá: Instituto Colombiano de cultura.
- Gómez Dávila N. (1986a). *Nuevos escolios a un texto implícito*. Bogotá: Procultura.
- Gómez Dávila N. (1986b). *Nuevos escolios a un texto implícito. Tomo. II*. Bogotá: Procultura.
- Gómez Dávila N. (1992). *Sucesivos escolios a un texto implícito*. Santafé de Bogotá: Instituto Caro y Cuervo.
- Gómez Dávila N. (2020). *Переводы на русский некоторых схолий Н. Гомеса Давилы*. <https://gomez-davila.livejournal.com/> (дата доступа: 16.07.2020).
- Gonzalez P. B. (2015). *A South American Conservative Sage // Modern Age*. Vol. 57. № 1. P. 77–81.

- Hurtado M. G. (2000). Un pensador Aristocrático en los Andes: Una mirada al pensamiento de Nicolás Gómez Dávila // *Historia Critica*. № 19. P. 8–18.
- Kinzel T. (2010). Nicolás Gómez Dávila als Lehrer des Lesens // *Urbanek K.* (ed.). *Nicolás Gómez Dávila — myśliciel współczesny?* Warszawa: Furta Sacra. P. 313–330.
- Mejía Mosquera J. F. (2018). *Facetas del pensamiento estético de Nicolás Gómez Dávila*. Bogotá: Editorial Pontificia Universidad Javeriana.
- Morgan C. R. (2014). Don Colacho's Epitaphs. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/articles/don-colachos-epitaphs/> (дата доступа: 16.07.2020).
- Pachón Soto D. (2007). Nicolás Gómez Dávila, un exiliado de la modernidad // *Cuadernos de Filosofía Latinoamericana*. Vol. 28. № 96. P. 23–42.
- Rodríguez Cuberos E. G. (2009). El romanticismo de Nicolás Gómez Dávila: entre la reacción y la insubordinación // *Nómadas*. № 31. P. 165–181.
- Saralegui M. (2016). Nicolás Gómez Dávila como crítico de la cultura hispánica // *Ideas y Valores*. № 65. P. 315–336.
- Serrano Ruiz Calderón J. M. (2013). La sombra y la Nada: En torno a un Escolio de Nicolás Gómez Dávila // *Pensamiento y Cultura*. Vol. 16. № 2. P. 72–99.
- Serrano Ruiz Calderón J. M. (2015). *Democracia y nihilismo: vida y obra de Nicolás Gómez Dávila*. Pamplona: Eunsa.
- Volpi Franco (2005). *Nicolás Gómez Dávila, el solitario de Dios*. Bogotá: Villegas.

Genuine Reactionary: The Works of Nicolás Gómez Dávila

Elena Kosilova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Address: Lomonosovsky Avenue, 27k4, Moscow, Russian Federation 119991

E-mail: implicatio@yandex.ru

The article deals with the work of the Colombian philosopher and writer Nicolás Gómez Dávila, and primarily his five-volume work *Scholia to an Implicit Text* (*Escolios a un texto implícito*). This work is a collection of over 10,000 brilliant aphorisms. Gómez Dávila called himself a reactionary thinker. His aphorisms express a critical attitude towards the modern world. He criticized the shortcomings of democracies, and was strongly opposed to revolutions and the idea of progress. He saw progress as a gradual slide down an inclined plane. His ideal is a traditional society that is organized hierarchically. He also sharply criticized contemporary art, in which he believed little skill was left with very large pretensions for originality. He is a religious thinker who did not accept the ecclesiastical relief of the Second Vatican Council. An unattractive portrait of a man of our day looms in his aphorisms. He writes about fools and vulgar people who pursue fashion that attracts them by its superficial brilliance, while the “genuine reactionary” is always opposed to fashion. The reactionary is a loner by nature, does not tolerate crowds, lives an inner life, and communicates with philosophy and art. In the modern world, Gómez Dávila finds expressions of Gnostic tendencies from which comes the idea of the deification of man and the oblivion of God. He contrasts the intellect as something dry and abstract to intelligence which must live through

existential conflicts. Some have compared Gómez Dávila with Nietzsche, but this comparison does not seem relevant.

Keywords: Nicolás Gómez Dávila, reactionary, democracy, hierarchy, values, Catholicism, Gnosticism, Latin America

References

- Abad T. A. A. (2010) Nicolás Gómez Dávila y las raíces gnósticas de la modernidad. *Ideas y valores*, no 142, pp. 131–140.
- Abad T. A. A. (ed.) (2017) *Entre fragmentos: interpretaciones gomezdavidianas*, Bogotá: Casa de Asterión Ediciones.
- Gómez Dávila N. (1977a) *Escholios a un texto implícito*, Bogotá: Instituto Colombiano de cultura.
- Gómez Dávila N. (1977b) *Escholios a un texto implícito. Tomo II*, Bogotá: Instituto Colombiano de cultura.
- Gómez Dávila N. (1986a) *Nuevos escolios a un texto implícito*, Bogotá: Procultura.
- Gómez Dávila N. (1986b) *Nuevos escolios a un texto implícito. Tomo. II*, Bogotá: Procultura.
- Gómez Dávila N. (1992) *Sucesivos escolios a un texto implícito*, Santafé de Bogotá: Instituto Caro y Cuervo.
- Gómez Dávila N. (2020) Perevody na russkij nekotorykh scholij [Russian Translation of Selected Scholia]. Available at: <https://gomez-davila.livejournal.com/> (accessed 16 July 2020).
- Gómez Dávila N. (2021) *Sholii k implicitnomu tekstu* [Scholia to an Implicit Text], Moscow: Kanon-+.
- Gonzalez P. B. (2015) A South American Conservative Sage. *Modern Age*, vol. 57, no 1, pp. 77–81.
- Hurtado M. G. (2000) Un pensador Aristocrático en los Andes: Una mirada al pensamiento de Nicolás Gómez Dávila. *Historia Critica*, no 19, pp. 8–18.
- Kinzel T. (2010) Nicolás Gómez Dávila als Lehrer des Lesens. *Nicolás Gómez Dávila — myśl i czas współczesny?* (ed. K. Urbanek), Warszawa: Furta Sacra, pp. 313–330.
- Mejía Mosquera J. F. (2018) *Facetas del pensamiento estético de Nicolás Gómez Dávila*, Bogotá: Editorial Pontificia Universidad Javeriana.
- Morgan C. R. (2014) Don Colacho's Epitaphs. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/articles/don-colachos-epitaphs/> (accessed 16 July 2020).
- Pachón Soto D. (2007) Nicolás Gómez Dávila, un exiliado de la modernidad. *Cuadernos de Filosofía Latinoamericana*, vol. 28, no 96, pp. 23–42.
- Rodríguez Cuberos E. G. (2009) El romanticismo de Nicolás Gómez Dávila: entre la reacción y la insubordinación. *Nómadas*, no 31, pp. 165–181.
- Rutkevich A. (2011) Katolicheskiy reakcioner N. Gómez Dávila [Catholic Reactionary N. N. Gómez Dávila]. *Filozofskie nauki*, no 1, pp. 98–110.
- Saralegui M. (2016) Nicolás Gómez Dávila como crítico de la cultura hispánica. *Ideas y Valores*, no 65, pp. 315–336.
- Serrano Ruiz Calderón J. M. (2013) La sombra y la Nada: En torno a un Escolio de Nicolás Gómez Dávila. *Pensamiento y Cultura*, vol. 16, no 2, pp. 72–99.
- Serrano Ruiz Calderón J. M. (2015) *Democracia y nihilismo: vida y obra de Nicolás Gómez Dávila*, Pamplona: Eunsa.
- Volpi Franco (2005) *Nicolás Gómez Dávila, el solitario de Dios*, Bogotá: Villegas.